

Пока тюбик не высох

Золотухин в шкуре Золотухина в сериале про Золотухина

Нина Краснова

Валерий Золотухин. На развалинах личной жизни. Дневники. Книга 8.
— Нижний Новгород: Нижполиграф, 2005, 512 с.

Валерий
ЗОЛОТУХИН

На развалинах
личной жизни

Валерий Золотухин, звезда Театра на Таганке, в течение сорока лет, со студенческой скамьи ГИТИСа, изо дня в день писал дневник, не для печати, не для читателей, а сам для себя. Он написал 90 (девяносто!) тетрадью дневника, то есть создал на своем личном материале литературную эпопею 60–90-х годов XX века, этакий литературный сериал с участием самого себя в главной роли.

Все это до поры до времени лежало у него в столе, в долгом ящике, или, если пользоваться терминологией киношников, «на полке». А теперь стало выходить в свет в виде книг. «На развалинах личной жизни» — восьмая серия «сериала», куда вошли тетради дневника, охватывающие период с 21 декабря 1976 года по 18 марта 1979-го. Это семейная хроника, а лучше сказать — семейная трагедия. Его жене не нравится, что он уделяет ей, своей жене, мало внимания, до самой ночи и всю ночь сидит за столом и пишет свой дневник или книгу прозы «Дребезги», «шелестит бумажками»... Она из-за этого спать не может, ругается на него. Но когда же ему писать? Теща тоже ворчит. На улице ему, что ли, идти писать, на лавочке под фонарем? Но вряд ли и это устроит жену. Чтобы не зажигать электрический свет, который раздражает и нервирует ее, он зажигает свечу и пишет при свете свечи, как Пушкин. Жена (высшая инстанция) считает, что ему не нужно писать, потому что все, что он пишет, никому не нужно и никому не интересно. Жена у него красавица, за которой мужчины табунами ходят, и тоже артистка, Нина Шацкая. Они прожили вместе 15 лет и вот уже года два спят «под разными одеялами».

«Творческая жизнь не должна зависеть от домашней», — пишет Золотухин. Не должна. Но зависит. «Господи!! Дай мне сил и таланта!! Помоги мне, Господи!!» — кричит он. Он репетирует «Раскольников», он играет «Доброго человека из Сезуана», он готовится к роли Гамлета, он мечтает о роли Моцарта и репетирует Моцарта. Он снялся с Еленой Прокловой в фильме «Единственная» и снимается в фильме Гурьянова «Версия» — по Шукшину. Он пишет книгу «Дребезги», и мечтает опубликовать ее в

Жена всегда не понимает.

Сергей Ефимов. Дама в желтом

журнале «Юность», и переделывает ее по сто раз, и мечтает издать книгой. Он получает от Распутина по почте похвальное слово о своей прозе и носит с ним по всей Москве и по всем редакциям (и оно на всех производит впечатление, только не на его же-

оригинальными, неповторимыми конструкциями фраз, с вольным, неакадемичным расположением материала, с художественными диспропорциями форм, со смелостью творческих решений, с импровизациями и экспромтами и с двумя воскли-

вечестве, об устройстве мира, о космосе, только обо всем высоком и идейном... и не позволяю себе ничего плохого и низкого, вот я какой хороший и порядочный человек, вот я какой высоко- нравственный и безупречный... с меня всем надо брать пример... дети и взрослые, берите с меня пример, равняйтесь на меня... вставьте мое фото в рамку, и повесьте его на стену, и молитесь на меня, потому что я этого заслуживаю, как никто. И даже если они писали о каких-то своих недостатках и отрицательных качествах, то опять же для того, чтобы показать публике, какие они хорошие, вот и поругать себя могут, вот и о своих недостатках сказать, как парторги на отчетно-выборном собрании.

Настоящий дневник — это когда пишется все самое тайное, все самое сокровенное, самое интимное, такое, что тебе хочется скрыть от людей, чего не хочется им показывать... Потом-то смотрите, читайте, пожалуйста... когда все это станет вчерашним днем. Но это — потом, а не сейчас.

И еще одно. Золотухин — артист, и ему и в театре, и в кино все время приходится играть кого-то, то Бумбараша, то Кузькина, то Сережкина, то Раскольников. И хочется хотя бы в дневнике скинуть с себя маски и реквизитные шкуры всех своих героев и хотя бы на страницах побыть в своей собственной, выступать только в роли самого себя и показать свою жизнь, а не жизнь литературных героев, которую покажет если не он, то кто-то еще, а его жизнь никто не покажет, если не он сам.

Дневники Золотухина — это очаровательный русский постмодерн

ну). «Мне много лет», — пишет он, а ему в дневнике всего 36 лет. Он хочет успеть сделать в жизни как можно больше, а тут... А тут развалины семейной жизни.

Его связывает с женой только ребенок, и уже даже не он, а музыкальная школа, в которую они водят его по очереди. Но и эта школа потом перестает связывать их. На развалинах личной жизни, которая разбилась «вдребезги», у него начинается строиться новая личная жизнь (которая тоже превратится в развалины и в «дребезги»).

Он пишет «про свое и своим ладом», как Бог на душу положит, свободными мазками кисти. Как говорит сам Золотухин, пока «тюбик» не засох и оттуда не приходится выдавливать краску, как затвердевшую зубную пасту.

Дневники Золотухина — это очаровательный русский постмодерн с нестандартной архитектурной, с эллипсисами, с

цательными знаками в восклицательных предложениях (вместо привычного одного или трех).

Об одной добропорядочной даме он пишет: «Очень правильная дама, часто у нее кружится голова от недостатка секса». Когда на таможне проверяли, нет ли у наших артистов с собой чего-то такого, что не должно быть ввезено в СССР (золота, запрещенных книг или наркотиков), Золотухин просил таможенников, чтобы они Шацкую оставили за чертой, «как ввозимое (в Россию) зло», но они «не оставили».

Я люблю жанр дневника (и, между прочим, сама тоже веду дневник, с 11 лет, только не всегда регулярно, не как Золотухин, недостижимый для меня образец). Так вот, многие пишут в расчете на публику, чтобы показать себя публике и потомкам: смотрите, вот я какой умный, с утра до ночи думаю о глобальных проблемах, о народе, о чело-

ИТ Ex 016215 (прин. к изданию) — 2006 — 13 марта — 216